

ЭЛИТЫ И СРЕДНИЙ КЛАСС

Григорьев Л. М., к. э. н., профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ)

В статье подчеркивается важность рассмотрения правящих элит в контексте социальной структуры общества. В XX–XXI в. развитие демократии и среднего класса предполагает уход от раздельного изучения проблем демократии и элит. По мнению автора, нужен поиск аналитического подхода к роли и месту элит в более широком контексте. Предлагается построение системы переходов между элитами и гипо- и контрэлитами. Отдельно рассматриваются взаимоотношения элит и средних классов в российском обществе.

To carry out major initiatives and perpetuate their holds on power, elites need non-elite support.

*J. Higley, M. Burton.
Elite Foundations of Liberal Democracy*

Политологи согласны в том, что элиты играют важнейшую роль как в повседневной жизни общества и государства, так и особенно в условиях социально-экономических и политических кризисов. Различия лежат скорее в области оценки веса решений элит, договоренностей конфликтующих элит между собой или в борьбе против движений народных масс. Традиционным для исследований элит остается деление всего социума на элиту и остальное общество. Классическое марксистское определение, что в масштабном социальном кризисе «верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому»¹, которое в скрытом виде присутствует во многих дискуссиях, относится к тому же подходу. Меняются эпохи и общественная организация общества, но мы продолжаем мыслить категориями «элита и народ».

На практике большая часть литературы содержит анализ элиты без привязки к другим слоям общества, а литература о демократии обычно стеснительно не учитывает фактор правящей элиты. В классическом виде это 90 лет назад было определено В. Парето: «...1) низшая страта, т. е. класс, не являющийся элитой... 2) высшая страта, класс избранных, т. е. элита,

¹ В. И. Ленин [Ленин. С. 67–70].

состоящая, в свою очередь, из двух частей: правящей элиты и неправящей» [Парето, 2008]. Представляется, что в период «старого классического капитализма» и тем более в предшествующие века (и тысячелетия) слабость среднего класса естественным образом делала роль элит столь выдающейся, что вопрос о связи элит с остальным обществом решался либо в очень общих понятиях, либо в как бы индивидуальном плане: рекрутинг в элиту, в том числе из иных классов, для обеспечения стабильности элиты [Higley, Burton, 2006].

В продолжающейся дискуссии об элитах и их отношениях с обществом мы видим отражение реалий жизни разных стран в различные эпохи [Elites, crises, and the origins of regimes, 1998]. В то же время политологический набор «случаев» достаточно ограничен и охватывает совершенно различные эпохи в социально-экономическом развитии стран мира — от Glorious Revolution в Великобритании (1688—1689 гг.) до распада СССР и социалистического лагеря. В этих событиях и процессах роль элит всегда принципиально важна. Но элиты противостоят совершенно разным типам общества под ними — от позднего феодализма и промышленного капитализма до социализма и постиндустриального общества. Элиты сохраняют свою роль и функции, но их цели и методы защиты своего положения, разумеется, меняются. Новые общественные силы все более наполняют ту сцену, на которой, по словам Р. Милья, «элита показывает публике творимую ею историческую драму» [Милья, 1989]. И все же различие между артистами на сцене и режиссерами и авторами пьес сохраняется, кроме тех потрясающих случаев исторических революций, когда артисты сами пишут для себя пьесу, часто интерактивно, иногда не слишком удачно. Но период трансформаций заканчивается и функциональное распределение в «общественном театре» восстанавливается.

За последний век произошли огромные социальные изменения: образование и экономическое положение масс, их информированность о происходящих общественных событиях, готовность в них участвовать, нормы и принципы, ожидания и требования стали принципиально иными. До Второй мировой войны элиты противостояли массам при резком ослаблении среднего класса после Первой мировой (и революций) и Великой депрессии. В этих условиях правящие элиты искали пути прямого контроля над обществом (вплоть до фашизма) и стремились к целям, которые трудно было бы демократически провести через референдумы и парламенты. Пожалуй, единственное яркое исключение составили США, где радикализм удалось удержать в рамках демократии. Постепенное усиление демократических институтов в послевоенный период вынуждает элиты адаптировать свое поведение при решении насущных проблем. Контроль элит над американским обществом Р. Милья описывал в 1950-х гг. в условиях действия вполне демократических институтов. Политология и социология по крайней мере столетие спокойно взирают на вполне откровенное противоречие: свободный выбор индивидуумов («оптимум») и роль правящей элиты, которая «более равна, чем другие». Обычно это не вопрос понимания общественной жизни, а скорее вопрос системного представления — никто не отрицает специальной роли элиты.

Данная статья опирается на ряд глубоких работ западных политологов последнего десятилетия (М. Догана, Дж. Хигли и др.) в части структуры и роли

элит в современном обществе. Одновременно она является продолжением работ автора как по проблеме элит, так и по среднему классу [Григорьев, Малева, 2001; Григорьев, 2008; Григорьев, Салмина, 2009; Grigoriev, 2011]. Перед нами встает несколько вопросов, которые во многом носят междисциплинарный характер. Это интересы элит в экономической политике, сложность внутренней и внешней легитимизации элит (особенно новых) и взаимодействие с другими слоями общества. Целями исследования являются установление соответствия между структурой элит и средних классов и поиск возможных путей дальнейшего анализа интересов социальных групп, их устойчивости и способности к социальным компромиссам и коалициям. Эти задачи нельзя решить в одной статье — можно только наметить пути решения и дальнейшего анализа.

ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Тема элит настолько богата, что, хотя их типология, внутренняя логика поведения и роль кризисов в смене элит стали основой многих интересных работ, последние не исчерпали не только саму проблему, но и, по нашему мнению, даже актуальную тематику для исследований. Мы полагаем, что многие аспекты теории элит остаются в тени и не раскрыты именно в условиях современного общества: происхождение, легитимизация элит после серьезных изменений общества (не просто смены режимов); отношения между частями элит. Наконец, речь идет о взаимоотношении элит с образованной частью общества, которая предъявляет спрос на демократию и в состоянии адекватно оценивать ситуацию в обществе, а не просто фигурировать в качестве народа. В простейшей формулировке стартовый тезис этой работы: в современную эпоху *средние классы* имеют значение для *элит* — Middle Classes Matter for Elites.

Для экономиста элиты — очень интересный объект анализа. Но с точки зрения рационального экономического анализа зачастую действия элит выглядят иррациональными. Однако мы полагаем, что действия элит всегда преследуют две цели: поддержание своего положения и некоторую практическую цель, — так что смещение рациональности неизбежно. В экономической политике мы постоянно сталкиваемся с невозможностью принятия математически рациональных решений, поскольку они затрагивают чьи-то интересы. Обычно фактор интересов возникает в налоговой политике, переговорах по ВТО, выборе региональных приоритетов, предвыборной политике поддержки своих избирателей и т. д. Но там, где кончается рациональный экономический анализ, пока нет достаточно удобных мостов к политическим ограничениям на принятие решений. Попытка выйти на более или менее полную классификацию групп интересов привела к появлению примерно 44 таких групп [Григорьев, Плаксин, Салихов, 2008]. И тут же возникла следующая проблема, как идентифицировать интересы этих групп по ключевым проблемам национальной экономической политики. Пример курса рубля и его девальвации в начале 2009 г. вместо макроэкономически предпочтительного октября 2008 г. (а также проблема плоского личного подоходного налога) хорошо демон-

стрирует трудности такого анализа [Григорьев, Плаксин, 2009; Григорьев, Курдин, 2010].

Политологический анализ базируется на ряде собственных оснований, которые имеют большое прикладное (инструментальное) значение в реальном политическом процессе, в частности при манипулировании избирателем (в лозунгах, а не только в реальных проблемах). Логика поведения элит (особенно новых и неустойчивых) поддается пониманию только при совместном анализе их попыток выполнять две сложные и, видимо, временами противоречивые функции: укрепления и легитимизации собственных позиций и лидирования в стране и обществе. В обоих случаях они опираются на современное состояние общества и то, что они усвоили, в чистом виде или переформатировав, от интересов страны.

Следующая проблема — увязка существования элиты и демократии — длительное время оставалась как бы в тени общего противопоставления «элита и массы». В современную эпоху элита большинства стран (и демократических, и авторитарных) поддерживает, по крайней мере формально, общую норму о демократических принципах управления странами. Голосующий средний класс является опорой этой идеологической нормы как объективно, так и в силу веры в эту норму, а тем самым и опорой демократического процесса. Тем не менее в политологии прекрасно уживаются вера в демократию с равенством прав граждан и признание существования и доминирования «более равных» элит.

Традиционно в литературе элиты как бы парят над обществом, стараясь совместить две цели: поддержать свой контроль и реализовать актуальные задачи. Но мы в данной работе не имеем возможности затронуть такие важные для прикладного анализа проблемы, как единство и тип правящей элиты, а также методы поддержания ее положения [Higley, Burton, 2006]. Для нас важно подчеркнуть, что цели элит должны формулироваться на языке общественных интересов — как интересы страны и нации. Практически это означает, что интересы элиты в современную эпоху не могут просто декларироваться или быть навязаны народу — неэлитной его части, а должны стать частью общественного сознания как собственные цели. Мы оказываемся перед проблемами интегрированности элит в общество, определения их места в социальной структуре, а не вне общества и не над ним.

Мы хотели бы найти источники устойчивого воспроизводства (рекрутинга) элит как системного явления, а не просто интеграции отдельных индивидов из контрэлит для собственной стабильности. Особенно это важно в процессе формирования новой структуры общества, новой элиты и устойчивых отношений «элита — общество» в ходе трансформации. В этом отношении приходится начинать с методологической проблемы: элита формально не соответствует средним классам.

Средние классы — это общее название для разнородных отрядов, которые по своему материальному положению, образованию, характеру деятельности выделяются таким образом, что стоят выше низших или бедных и неустойчивых слоев общества. Но в то же время они явно опираются на трудовые доходы и тем самым оказываются вне высшего класса — получателей прибыли, ренты и дивидендов по преимуществу. Так что средние классы как понятие и ста-

тистически выделяемая категория располагаются между нижним и высшим классами, а финансовая элита должна находиться внутри верхнего высшего класса собственников.

Мы можем исходить из некоторых достаточно точных положений. Среди представителей высших собственников — высшей страты (Upper Upper Class), безусловно, скрыта (или видна) финансовая элита. Мы также знаем, что средний класс (или классы в зависимости от определений) неоднороден и в российских условиях может рассматриваться по крайней мере в 15 группах: пять отрядов и три уровня [Григорьев, Салмина, 2010]. Верхний уровень среднего класса любой страны вполне способен критически анализировать события в мире и стране, включая положение, действия и интересы элит [Григорьев, Макаренко, Салмина и др., 2010].

В XXI в. элиты вынуждены предлагать обществу теорию (легенду) о существовании меритократии, справедливости на пути продвижения в правящий класс, закономерном успехе в создании и развитии бизнеса, сочетании таланта и удачи в науке и культуре. Эти вопросы обсуждались и ранее [Feibleman, 1938]. Правящая элита, — по определению Р. Миллса, политическая власть на базе капитала — в современных условиях должна показывать возможность достижения успеха (победу меритократии). Речь идет об открытии пути наверх для контрэлит при условии соблюдения ими правил игры, для национальных меньшинств и политических диссидентов, остающихся внутри конституционных основ — внутри системных элементов политического класса. Заметим, чем дольше период поддержания демократии и устойчивее правила игры, тем больше вера конкурирующих социальных групп в возможность решения своих проблем в рамках демократического процесса, а для лидеров движений — инкорпорирование в политическую элиту.

Никто не может обещать вход в финансовую или интеллектуальную элиту — там свои законы, часто более жестокие и трудно регулируемые. В науке, литературе и искусстве интеллектуальная элита выдерживает огромные нагрузки по дороге на Олимп (за малым исключением). Общество, видимо, не до конца решило проблему механизма признания «настоящей» интеллектуальной элиты. Признание отдельных представителей элиты чаще всего связывают с личными талантами, исключительным успехом, реальными способностями и общественно ценными достижениями. Случаи успешной работы системы выявления и признания индивидов как элиты довольно редки и соседствуют (особенно в России) с бесконечными историями о признании после смерти, использовании изобретений третьими лицами и другими сложностями с индивидуальными правами интеллектуальной собственности. Осложняют ситуацию конфликты системы воспроизводства элиты в своей среде с талантливыми амбициозными индивидами, выдвигающими новые идеи и претендующими на высокую социальную позицию (перешагивая обычные ступени) извне элиты. Разумеется, возможны и конфликты в среде (между кланами и фракциями) элиты в отношении целей и проектов, основных идей и формулировки интересов, методов действия при реализации целей или поддержания своего контроля. Часто правящие элиты пытаются вмешаться в своих интересах в процесс выделения элит в интеллектуальных областях, особенно общественных науках.

Финансовая элита численно (не по капиталам) является весьма малой долей в составе высшего класса (который много шире элиты). В отношении других составных частей элиты мы должны оперировать средними слоями как основой гражданского общества, для которого политическая и интеллектуальная элита — важный анализируемый объект, источник норм, основа (явная или предполагаемая) политического режима. Представители средних слоев, в частности высшего уровня средних классов, занимают высокие позиции в бюрократии, общественных и политических организациях, бизнесе, интеллектуальных и любых профессиональных организациях. Для полноты картины отметим, что жизненный цикл включает в себя движение вверх по ступеням социальной стратификации. Это естественная часть жизненного цикла любого успешного индивида, это нормальный аспект жизни огромной массы государственных и частных служащих, деятелей культуры и науки.

Тут можно ответить на наивный по форме (но важный) вопрос: может ли быть представитель элиты частью не высшего, а среднего класса. Ответ, разумеется, положительный. Вероятнее всего, значительная часть, например, интеллектуальной элиты по формальным признакам — это обычный средний класс. И с Нобелевской премией в высший класс не попадешь — скорее в высший средний. А носителей высоких идей с их духовной миссией в большей части исторических эпох ждала скорее Голгофа, чем рента. Но для полноценного анализа социальной структуры еще предстоит определить пути совмещения сегментов элиты и соответствующих им элементов гражданского общества.

ЭЛИТЫ И ГИПОЭЛИТЫ

Для целей дальнейшего анализа проблемы элиты общества (нации, страны) полезно взглянуть на элиту не как на загадочный источник важных решений, а как на конгломерат лиц, в каждый определенный период истории (скажем, поколение) обладающих возможностью принимать критически важные решения в своей области. Для того чтобы точнее определить положение элит в структуре общества, мы пойдем сверху вниз по общественным ступеням власти и влияния. Некоторые предварительные замечания необходимы (независимо от их оригинальности) для ясности нашей позиции. Во-первых, структура элиты специфична стране и ее истории [Dogan, 2003]. Если страна имеет долгую военную историю или доминирующую религию, то, вероятно, военная или церковная элита будут важными компонентами ее элиты, но это справедливо не для всех стран. Ситуация аналогична специфичности структуры среднего класса, в котором, скажем, фермерство характерно для США и Польши, но не для Украины или Бразилии. Так что структура элит будет, видимо, различаться от страны к стране в зависимости от того, какие группы традиционно доминировали (земельная аристократия или обладатели финансового капитала и т. п.). Правящая политическая элита, надо думать, есть всегда, хотя и весьма различного типа.

Во-вторых, политическая элита, конечно же, не совпадает с правительством или тремя ветвями власти и не занимается повседневным управлени-

ем, хотя ее члены могут занимать достаточно высокие посты. Фактически многие влиятельные представители политической элиты индивидуально могут занимать вполне неформальные позиции в обществе, но выступать проводниками своих финансовых, религиозных, национальных групп, влиятельных семей. Мы можем представить себе скрытые правящие политические элиты как компендиум «политических департаментов» своих баз влияния, вырабатывающих нормы, которые они затем своими средствами и влиянием приводят в исполнение². Мы исходим из того, что реальная правящая элита в демократическом обществе сохраняет свое влияние, но менее явно, стремясь избегать видимого контроля.

В-третьих, правящая элита в современную эпоху, естественно, базируется на власти и капитале, но сочетание этих двух факторов и основы, конечно, различается по типам стран. Культурные и политические традиции англосаксонских, европейских континентальных и азиатских различны. Страны с традиционным доминированием государства и чиновничества порождают тенденцию к более высокой роли политической (часто бюрократической) элиты.

В-четвертых, важно различать функциональную (политическую или иную) элиту — тех, кто фактически обладает публичной властью трех ветвей, и элиту нормативную — ту, которая дает обществу нормы и признана как настоящая элита³. В своей предыдущей работе на тему элит мы определяли функциональную элиту (особенно в духовной сфере) как аспирантуру в нормативную элиту [Grigoriev, 2011]. Для правящей элиты различия лежат в дальновидности и способности найти пути достижения национальных интересов, преодолевая внутренние конфликты и ограничивая свои интересы. Современный политик и философ подчеркивает важность качества элит: «Элиты с ничтожными и корыстными целями не только погибают сами, но и, как правило, губят свои страны» [Выдрин, 2010]. В этом проявляется осознание интеллектуальными слоями общества важности качества элит при становлении общества для будущего процветания страны.

Традиция каждой страны и длительность воспроизводства политической элиты обусловлены историей государства. Также огромную роль играют история отношений государственной власти и бизнеса и длительность поддержания демократии. В частности, они влияют на соотношение роли государственной традиции и частного бизнеса в формировании правящей элиты: власть и капитал или капитал и власть. Особенно большое значение это имеет при формировании новых элит при тяжелых кризисах, ведущих к смене элит. Вечный и сложный вопрос: специфика страны в конечном итоге формирует свою элиту или же новая элита в состоянии трансформироваться самостоятельно и изменить судьбу страны?

Правящая элита (политическая и финансовая) занимает самый верхний этаж (обычно не вполне прозрачный) соответственно политического и выс-

² У журналистов и историков элит имеется огромное количество материалов по тому, как этот скрытый контроль осуществляется — от простых сговоров и исторических альянсов до масонского контроля.

³ В российской научной и популярной литературе вопрос о «настоящей элите» появляется часто, но критерии качества элит обычно размыты, смешаны с индивидуальными качествами конкретных современников, частными провалами представителей элиты в бизнесе, экономической или социальной политике.

шего класса, по разным определениям. И та и другая неоднородны, ни та ни другая не могут функционировать без пополнения, а также без демонстрации возможности пополнения элит для всего демократического общества. Наличие той или иной специфической элиты предполагает существование общественных групп той же специфики на более низких общественных уровнях.

Здесь мы считаем необходимым ввести новое понятие — гипозэлиты, которое понадобится нам в дальнейшем. Гипозэлита играет двоякую роль: составляет опору и непосредственный резерв элиты, окружает ее и выступает как проводник ее политики; это более многочисленный и уже более видимый слой. Гипозэлита представляет собой мост между элитой с ее скрытностью и неформальными решениями и открытыми процессами политической, экономической, интеллектуальной жизни, формально обладая уже признаками верхнего среднего класса (и выше). Высший деловой класс, верха политического класса, широкие интеллектуальные слои, составляющие гипозэлилу, резко отличаются от элиты по масштабам власти и капитала, признания и известности, но так близки к ней, что посторонним часто трудно определить границу между ними.

Мы полагаем, что рекрутинг политической элиты как в демократическом, так и в авторитарном обществе идет из гипозэлиты, помимо собственного воспроизводства, конечно. Властная элита формирует систему отбора и продвижения потенциальных кандидатов во власть, но это одновременно и путь в элиту, хотя при намного более узком сечении. Фактически мы до конца не знаем, кто именно наиболее влиятелен за кулисами политического театра, хотя понимаем, что талантливый политик может пройти путь от эксперта при политиках до члена элиты, равно как и продвигнуться по политической лестнице. В самом узком и таинственном смысле политическая элита меняется по своим законам и кооптирует новых членов по законам не карьеры, а политической или финансовой мощи — последний шаг в элиту происходит либо почти невидимо, либо уже «на площади», т.е. в кризис. В этом смысле гораздо легче анализировать продвижение в финансовую элиту. Но и тут мы можем найти не самых богатых, но исключительно влиятельных персон (в том числе министров финансов и центральных банкиров), равно как и богатых аутсайдеров.

Мы предлагаем (см. таблицу) упорядоченное представление уровней приближения к элите, структурных ролей на этом пути. В данном случае обсуждается не появление элит, особенно правящей элиты, а модель ее воспроизводства и взаимодействия с теми общественными силами, которые смотрят на нее в поисках нормы и которые конкурируют с ней за положение. По существу, это взгляд со стороны элиты (сверху вниз) на процесс вертикальной конкуренции. Последняя коренится в устремлениях и амбициях индивидов, но структурирована формальными и неформальными институтами сложившегося общества. Здесь важно, что в вертикальных «шахтах» мы видим как «лифты» вверх, так и «фильтры». В профессиональной сфере все просто: вверх должны идти способные и общественно полезные, а отсекаются шарлатаны и бунтари, пока они не докажут свою способность интегрироваться. Но в спокойные периоды развития общества эти системы могут быть неактивными.

Таблица. Общественная лестница сверху вниз: элиты, гипозлиты, гражданское общество и средний класс

Общественные уровни – корни элит, путь в элиты, фильтры элит	Правящая – политика (1, 3)	Правящая – финансы (1)	Идеология, общественные науки и СМИ (2, 4)	Естественные науки (2)	Культура и искусство (2)
Элиты А – у власти или контроля – функциональные (не обязательно нормативные)	Властная	Доминирующие: англосаксонская; континентальная; азиатская (5)	Религиозные и философские нормы и лидеры	Верха университетов и научных центров («академия»)	Артисты и литераторы «властители дум»
Контрэлиты Б – внутрисистемная (6)	Оппозиция, принявшая правила игры правящей элиты, региональные компоненты	Иностраный капитал, конкуренция ФПГ за доминирование (отраслевые и региональные интересы)	Различия идеологий, национальной базы и культур	Возрастная конкуренция	Эволюция культуры, вкусов, моды и поколений
Контрэлиты В	Внесистемная или «подпольная», региональные и националистические компоненты	Конкуренция со стороны МСБ, иностранного капитала, частный – государственный	Альтернативные идеологии (левые – правые, националисты, религиозные)	Борьба парадигм	Контркультура или «иностранный»
Гипозлиты А – «аспирантура функциональной элиты». Высший класс и верхний средний класс (7)	Аппарат в трех ветвях: политический класс	Крупный бизнес и менеджеры (7) ФПГ – связаны с государством и общественностью, фонды	Университеты, средства массовой информации, «фабрики мысли»	Профессура вне командных должностей	Конкуренция, СМИ – критика, профессура, спонсоры
Общество «под» элитами, «лифты и фильтры» (8)					
Гражданское общество – профессиональные организации (средний класс) – «лифты»	Низовые органы власти, партий, молодежные организации	Характер налогообложения и структура и цели расходов	Правила поведения в зависимости от типа общества	Дискуссия и продвижение талантов – университеты	Выбор и оценка зрителя и читателя
Системы предохранения стабильности общества от правящей и функциональных элит – «фильтры»	Фильтры на «дороге наверх для аутсайдеров»	Эффект размера капитала, лоббизм, захват государства	Цензура – правила и решения и борьба за норму	Квалификационный отбор	Раскрутка СМИ

1. Правящая элита
2. Интеллектуальная (профессиональная) элита.
3. Включая армию и силы безопасности.
4. Включая ведущую церковь или организацию ведущей религии.
5. Системы организации финансовой элиты – три доминирующих типа бизнеса.
6. Включенность оппозиции (внутрисистемной контрэлиты) в единую элиту определяется спецификой страны.
7. Верхние слои общества, по социальной структуре, непосредственный резерв для вертикальной мобильности к элите.
8. Массовый образованный слой.

Пояснение к таблице

Мы предлагаем *таблицу* – матрицу для ориентации в социально-политическом динамическом пространстве. Мы пытаемся показать достаточно универсальную картину: как идет продвижение вверх, какие «фильтры» существуют на этом пути, как средние по своему социальному статусу слои постоянно предлагают кадры элите. *Таблица* охватывает многие взаимосвязи по вертикали, которые мы не затрагиваем в данной работе, но она очень важна для понимания нашего подхода. Во-первых, это взгляд не снизу – от общества на элиту, а от элиты на те социальные силы, которые с интересом (вплоть до алчности) смотрят на нее снизу (или элиты извне страны). Во-вторых, в каждой сфере деятельности по вертикали прослеживается специфика отношений и механизмов. «Шахты» с «лифтами» и «фильтрами» по внутреннему устройству весьма разные и при детальной разработке могут иметь много ярусов. В-третьих, матрица при желании исследователя и наблюдателя может быть растянута вверх или в ширину, вводя более дробные категории элит или ступенек от элиты вниз. При анализе можно идти от больших элитных групп по сферам общественной жизни к более дробным и анализировать их специфику. В-четвертых, *таблица* указывает (хотя не раскрывает – это потребовало бы многомерной матрицы) на внутренние взаимоотношения элит по горизонтали. Элиты не просто располагаются рядом, они взаимозависимы, причем правящая элита доминирует. И в-пятых, надо еще раз подчеркнуть различия между аналитическим восприятием положения элит в стране в статусе на определенный срез времени и в динамике – по кадровому пополнению, возрасту, неоднородности происхождения. Механизм «фильтров», создаваемый элитами или при их активном участии, служит для обеспечения устойчивости элит в обоих смыслах: включение и абсорбция активных элементов (идей) для устойчивости элиты (страны) в целом, но на собственных условиях элиты – для стабильности ее элементов, защиты ими своего положения.

В предреволюционные и революционные периоды слово становится силой, и духовные лидеры (что мы видим на примере ученых, писателей и духовенства) начинают претендовать на роль элиты не только интеллектуальной, но и властной. Они могут стать даже формирующим элементом контрэлиты, причем необязательно внутрисистемной. А в политике и бизнесе «лифты и фильтры» и в обычное время имеют намного более серьезный и даже жесткий характер. История полна примеров подавления, а не интеграции контрэлит. Не надо забывать, что, в отличие от массовых движений и организаций в средней среде, элиты, в принципе, намного малочисленнее. Специфика элит в том, что члены элит знают друг друга в лицо, по характеру и темпераменту, по прошлому поведению, ошибкам, конфликтам и удачам. Как сказал дон Корлеоне, «весь бизнес персонален!» Выигрыши и продвижения одних элементов элит могут нарушать или создавать угрозу гомеостазу внутри элиты. Появление внутренних конфликтов ведет к двум угрозам: потере консенсуса по задачам элиты в стране и мире и угрозе положению элиты визи визави внутренних конкурентов.

В политической части *таблицы* картина, пожалуй, более разработана в политологии и выглядит, скорее, конвенциональной. Гипоэлита одновременно служит частью системы власти и управления и источником воспроизводства правящей элиты, которая могла бы адекватно воспринимать окружающий мир и реагировать на вызовы для страны и для устойчивости самой элиты. Гипоэлита дает систему сигналов для карьерного роста, контрэлиты создают конкуренцию. В авторитарных режимах контрэлита Б (внутрисистемная) может быть служебной частью правящей элиты или, скорее, гипоэлиты. В демократическом обществе контрэлита важна для выработки долгосрочной политики. Наиболее развитые и устойчивые элиты базируются на устойчивых договоренностях или соглашениях при репрезентативной демократии

либо на авторитарной базе [Higley, Burton, 2006]. История знает много примеров интеграции контрэлит, в том числе путем превращения (имитации) потенциальных контрэлит в правящую элиту или в гипозэлиты. Реальное или хотя бы видимое соучастие верхов среднего класса в управлении имеет долгую историю. Вряд ли необходимо доказывать, что институт народных трибунов в Риме был (на языке *таблицы*) формой интеграции контрэлиты Б в правящую элиту. В Венеции аристократия сумела найти способ обеспечения внутренней стабильности Серениссимы на базе интеграции в политические институты значительной части гражданского общества (он же средний класс по социальному положению) [Lane, 1973]. В имперской России местный нобилитет интегрировался по мере расширения — остзейские бароны и грузинские князья.

И все же в *таблице* необходимо оставить место для социальной иерархии для контрэлиты В — внесистемной. Бунтующие элементы могут сформировать свою элиту на том или ином принципе (религиозном, национальном, социальном) и вести борьбу за свои интересы (социальную или освободительную), успешную или неуспешную. В случае успеха они могут интегрироваться в элиту, как это произошло с бунтарями Германии и Франции 1960-х гг., а также лидерами многих освободительных движений. Мы должны учитывать огромный соблазн для контрэлит найти путь в правящую элиту или выделения в самостоятельную элиту малой страны при отделении от метрополии. Можно отдельно рассматривать внешнюю (внестрановую) конкуренцию — это достаточно очевидно в двух областях: бизнес и культура (импортная массовая «попса» вместо национальной традиции). Межстрановая конкуренция элит за признание, престиж, доходы и за развитие своих сфер существует и в науке, и в искусстве (и в спорте). Выигрыши в этой сфере определяют не только положение индивидуумов внутри мировой элиты, но и престиж правящей элиты, возможности развития целых сфер экономики и устойчивость среднего класса [Григорьев, 2010]. В отношении внешней конкуренции в сфере политики очень много написано по вмешательству (невмешательству) во внутренние дела страны. Но на языке данной работы это — вмешательство внешних элит в дела правящей элиты страны (внешняя внесистемная элита). Такое воздействие может идти в порядке компромисса или побуждения, иногда принуждения (суды, санкции ООН). В условиях социальных революций и трансформаций трансграничное взаимодействие гипо- и контрэлит может приобретать критически важное значение.

Гипо- и контрэлиты (в том числе в борьбе между собой) участвуют в сложном двустороннем процессе подачи сигналов. Дело в том, что гипозэлиты, по логике вещей, состоят из слоев и индивидуумов, которые видят свой путь наверх и даже на самый верх — в элиту — внутри существующего политического режима, в рамках данного инвестиционного климата, системы продвижения в профессиональных организациях, университетах, армии и церкви.

Процесс движения наверх — это всегда конкуренция не только внутри самой гипозэлиты, но и с элитой, которая (или ее элементы) может не слишком позитивно воспринимать любую конкуренцию, угрожающую позиции

данного представителя или клана. Понятно, что в острых случаях элита сплачивается перед угрозой коренным общим интересам, если только внутренние распри не перевешают инстинкт самосохранения.

Можно говорить о том, что в нормальном режиме гиперэлиты выполняют многие функции управления, включая участие в демократических процессах, могут даже быть частью функциональной элиты, скрывая за собой элиту правящую. В явной форме — это анализ положения страны, в скрытой — обращение к элите о необходимости взвесить возможные решения и компромиссы, а также заявка на вход в более высокие уровни. Вниз от элиты идут решения или делегирование права принятия решений политикам, иногда даже кооптирование политика в элиту. Элита всегда находится в подвижном состоянии, поскольку желание консолидировать интересы и позиции, ограничить свое размывание пребывает в конфликте с необходимостью получения новых идей, инкорпорацией элементов, обеспечивающих устойчивость.

Средний класс, особенно его высший уровень, в крупных компаниях и бюрократии составляет естественный кадровый резерв политиков. Политическая активность среднего класса определяет роль гражданского общества, дает жизнь или продвижение тем или иным инициативам элиты и выбору решений или определению подходов и принципов решений. Мы полагаем, что высшие (даже средние) уровни среднего класса по широкой шкале профессиональной деятельности и общественной жизни образуют основу гражданского общества. Последнее в большей или меньшей степени может развивать и реализовывать потребности и интересы граждан. В зависимости от типа режима и зрелости элиты (демократии в целом) оно подпитывает своими тревогами и мнениями гипозэлиты или же сдвигается в оппозиционные настроения. Неадекватность демократического процесса, замедление и остановка социальных «лифтов» (речь, разумеется, не об эффективности рынка труда и вертикальной мобильности занятых), нарастание и накопление общественных проблем выталкивают те или иные элементы гражданского общества из резерва правящей элиты (пусть с эфемерными шансами на подъем наверх) в поддержку контрэлит.

Данная иерархия и конкуренция вдоль вертикальных «шахт» схематически представлена в *таблице*, в которой сделана попытка снять таинственность с места элит в обществе и их связей с общественными слоями относительно сферы деятельности элит и корреспондирующих слоев. Политическая иерархия дает свою удобную шкалу, в то время как социальная структура предлагает удобную шкалу в деловой сфере. В прочих профессиональных сферах, в армии, церкви, культуре и идеологии взаимоотношения имеют свою специфику. В то же время в одной *таблице* трудно показать роль правящей элиты, которая инкорпорирует определенные элементы иных элит. Это происходит не из альтруизма или почтения к научным талантам или духовным вождям (чего нельзя исключать на индивидуальном уровне), но из рациональной логики общего контроля за обществом в целях обеспечения собственной устойчивости. Впрочем, чем ближе общие нормы и цели элит к их основе в обществе, проблемам и интересам гражданского общества и бизнеса, тем естественнее интеграция части интеллектуальной элиты в правящую элиту. Это придает авторитет правящей элите и обе-

спечивает интеграцию общества вокруг целей и программ, выдвигаемых такой элитой⁴.

Важным элементом системы «лифтов» наверх из мира бизнеса или политического класса в ряды финансовых и политических магнатов является сфера государственного бизнеса. Достаточно много политиков в мире нашли способ конвертировать политическое влияние в финансовые активы. В эпоху приватизаций мы получаем массу состояний, построенных на движении из политической в финансовую элиту, а не наоборот, как это свойственно более устоявшимся обществам.

В интеллектуальной сфере достижение уровня элиты в разных аспектах одновременно и сложнее, и проще. На первый взгляд талант доказывает свое преимущество легче, чем политик, а конкуренция протекает среди приятных и образованных людей. Большинство представителей науки и культуры улыбнутся такой вере посторонних. Пробриться талантам исторически было чрезвычайно трудно именно в науке и искусстве. В науке есть даже теория борьбы парадигм Т. Куна и И. Лакатоса [Кун, 2001; Лакатос, 2001]. Практически решение об аллокации ресурсов обычно принимают администраторы и эксперты, озабоченные текущими проблемами, а не исследователи и учителя, которые смотрят вперед и видят будущее в своей сфере. Тем не менее кое-что довольно ясно: структура профессиональных областей обычно имеет свою функциональную элиту, активно претендующую на роль нормативной. Контрэлиты существуют всегда, иногда интегрируются. В духовной сфере, в отличие от финансовой, намного сложнее наследовать положение в обществе, хотя желание достичь этого не менее постоянно. Надо отдать должное, что в условиях острой конкуренции в политике и бизнесе правящая элита может играть позитивную роль в продвижении контрэлит вверх, хотя редко это происходит вовремя и без конфликтов.

Мы сознаем трудность выстраивания иерархии в системе элит, контр- и гипозелит по всей широте спектра общественной жизни. Но рафинирование такой системы, как исследовательского инструмента, было бы важно для анализа функционирования общества и понимания гражданским обществом тех движущих пружин, которые в каждую эпоху определяют жизнь страны. В этом плане самое простое — нижний уровень *таблицы* — «фильтры», конкуренция, система отбора кадров и квалификации, которые выстроены в обществе для формирования карьеры по заслугам. Пополнение элит и верхов через меритократию — мечта, которая имеет больше шансов на реальность в демократиях. Конечно, деньги, статус и все элитные исходные преимущества демократия не отменяет, скорее делает их менее заметными, мягкими и совместимыми с личными достоинствами.

В данном случае у нас нет возможности полностью охватить проблему жизненного цикла, роли прямого воспроизводства элит, динамики, скорости и интенсивности обмена элит с гипо- и контрэлитами, но по этому вопросу собрана огромная фактологическая литература: таинственность и закрытость элит частично уравнивается сенсационностью и неистребимым коммерческим интересом к раскрытию тайн мадридского двора. Все же стоит отметить, что правящая элита — тот ее реальный состав, который принима-

⁴ Правда, не надо забывать, что отношения «поэт и царь» или «король и архиепископ Кентерберийский» плохо кончались для выдающихся интеллектуалов.

ет решения, — не склонна к прозрачности. Это в равной степени касается ее состава, иерархии, процедур принятия решений и четкого публичного формулирования специфических целей. В реальности принятие решений всегда связано с появлением проигравших, компромиссами и жертвами интересов достаточно влиятельных общественных групп. Так что внезапность решений снижает сопротивление потенциальных проигравших, а новые компромиссы и альянсы часто предполагают мотивировки, которые трудно было бы защитить в рамках демократических норм или провести с помощью массовой поддержки населения. Связано это, по нашему мнению, с несколькими факторами. Приведем здесь только четыре очевидных. Речь идет о трудности достижения компромисса между составными группами элиты и необходимостью жертв, возможным конфликтом между целями правящих элит и настроениями общества, т. е. целью самосохранения; возможным конфликтом с внешними элитами (государствами) и, наконец, фактором времени, поскольку процессы могут быть настолько динамичными, что публичность приведет к потере критического момента для принятия решений и реализации той или иной стратегии.

В заключение отметим, что структура общества, степень равномерности его структуры — значимость среднего класса, его верхних уровней — влияют на положение гражданского общества. Многие демократические тенденции формировались в условиях усиления среднего класса и большего равенства, достигнутого в развитых странах (в частности в США) в период 1960-х гг., хотя с 1970-х гг. уже начался перелом в сторону большего неравенства [Gilbert, 2008]. Изменение тенденций двояко по последствиям. Во-первых, оно усиливает тревогу западного среднего класса за свое положение и активизирует его на защитные действия, что очень характерно для стран ЕС в условиях глобального кризиса 2008–2009 гг. и его последствий. Во-вторых, растет тревога самих элит на Западе за материальную (финансовую) устойчивость среднего класса, которая отчасти является критерием успеха и успешности элит в выработке решений по стратегическим вопросам развития стран. Устойчивость положения элит и либеральной демократии, как показал XX в., предполагает и устойчивость среднего класса, и его веру в адекватность политических институтов и рыночных механизмов.

ЭЛИТЫ И СРЕДНИЕ КЛАССЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ⁵

В России достаточно много работ посвящено элитологии, прежде всего отметим исследования О. Гаман-Голутвиной, И. Бунина, Б. Макаренко, Ю. Левады, М. Афанасьева и др. [Гаман-Голутвина, 2000–2001, 2006] Есть работы, посвященные среднему классу (классам), — Т. Малевой, Н. Тихоновой и др. [Аврамова, Григорьев, Малева, 2000; Средние классы в России..., 2003]⁶.

⁵ Это раздел частично основан на параграфе из работы *Grigoriev L. Russian Elites: The Choice for Modernization // Russia: the Challenges of Transformation / P. Dutkiewicz, D. Trenin (Eds.). — Lehman etc., 2011.*

⁶ См. обзор литературы в: *Григорьев Л., Салмина А. Структура среднего класса в России: гипотезы и предварительный анализ // Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. — М.: ИНСОП, Экон-Информ, 2009.*

Но во всех этих исследованиях либо средний класс, либо элиты остаются в тени. Они сосуществуют в реальном российском обществе, взаимодействуют, но в теории стыкуются весьма редко. В основном представители средних классов сомневаются в своих элитах, а отдельные представители элиты критикуют ее цели или действия [Юргенс, 2010]. В свою очередь представители элиты жалуются на недостатки доставшегося им народа. Действия правящей элиты через государство (политика налогов, субсидий, пенсий — социальная политика) направлены на поддержание определенного взаимодействия со средними классами, равно как и на получение поддержки следующих социальных страт по социальной лестнице. Группы среднего класса имеют более широкие запросы в сфере демократии к политической элите и свои представления о действиях правящей элиты [Григорьев, Макаренко, Салмина и др., 2010].

Как мы указывали выше, элиты и средний класс специфичны для каждой страны. Это относится и к истории (политической, экономической, этнографической, истории религий) стран, а в XXI в. во многом определяется характером бизнеса в широком смысле слова. Деловая элита малой страны будет привязана к двум-трем крупным компаниям, порту и министерству внешней торговли. В большой стране история, наверное, несет более сложное послание для граждан всех слоев, а «элитные» носители истории сопротивляются быстрым трансформациям. Исторический статус элит страны (в данном случае России) крайне важен. Он обеспечивает лучшие условия существования, защиту собственности и реализации своих интересов, но требует постоянного фактического подтверждения обоснованности претензий.

При больших трансформациях журналисты, наблюдатели и даже научная литература уделяли больше внимание персональному составу новых элит, интригам вокруг их происхождения и борьбы со старыми элитами, а также трудностям в формировании среднего класса. Отметим, что изменение географических границ, структуры конкурентоспособных ресурсов и характер формирующегося рынка должны определять одновременно многое и в экономике, и в социальной структуре, и в специфике элиты. Характер занятости, тип рабочих мест, возможности бизнеса и государства задают пределы возможностей среднего класса. Гибель целых отраслей промышленности при открытии экономики, сжатие государственных расходов на полтора десятилетия в России (1990–2005 гг.) во многом сформировали структуру как деловой элиты, так и среднего класса. Прежде мы не раз отмечали, что российский опыт трансформации не привел структуру общества в континентальную Европу, социальное неравенство по доходам оказалось ближе к англосаксонским, а неравенство по богатству — к латиноамериканским странам [Григорьев, Малева, 2001].

Интеллектуальная элита советского периода не смогла сформироваться в масштабное движение, по сути она оставалась внутрисистемной контрэлитой с базой в протосредних слоях. На первом этапе трансформации в России роль интеллектуальной элиты была заметной, но, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, эта роль была не такой важной, влияние ее было недолгим, а сама элита была намного менее устойчива. Правда, скептическое отношение общества и среднего класса к 1990-х гг. и его деятелям существенно затруднило закрепление в политической элите выходцев

из интеллектуальных слоев. В условиях тяжелого кризиса и недовольства обедневшего населения вторые-третьи эшелоны советской бюрократии нашли путь наверх. Крупный бизнес был пополнен из директоров, «комсомольцев», андеграунда и из интеллигенции. Специфика приватизации дала слишком пеструю картину новой деловой элиты: пока она не осознала необходимость единства во имя общих долгосрочных интересов, пока ее интересует больше максимизация приватизационного выигрыша и удержание активов в качестве ликвидного портфеля.

В процессе трансформации в постсоветском пространстве важнейшей проблемой, конечно, было решение «теоремы А. Шопенгауэра при быстрых исторических изменениях»: «На свете существует три аристократии: 1) аристократия рождения и ранга; 2) денежная аристократия; 3) аристократия ума и таланта. Последняя и есть собственно самая занятая и именитая» [цит. по: Ортега-и-Гассет, 1984]. Новая элита во всех областях должна мгновенно начать функционировать как в интересах страны, так и по своему укоренению, автоматически стремясь стать нормативной. Кто становится новой элитой, как они легитимизируются (внутри страны или во вне) — от этого много зависит в положении страны и в ее отношениях с другими странами, точнее, новой элиты России с элитами других стран [Grigoriev, 2011].

Для России эта проблема очевидна: достаточно большая группа представителей национальной элиты (во всяком случае интеллектуальной) и ряд внешних (зарубежных) элит рассматривают распад страны в 1991 г. как основание для снижения статуса и претензий новой правящей элиты. В мире (реже — в России) есть голоса, которые считают процесс распада страны незавершенным (хотя правящая элита абсолютно категорично это отрицает). Новая элита по мере укрепления своего положения предъявила статусные запросы в соответствии с прошлым величием страны (и ее элиты), объективно находясь в поиске максимально высокого статуса при фактическом уровне ресурсов страны и международной конфигурации вокруг нее. Мы не рассматриваем в этой статье происхождение и персональный состав правящей элиты. Достаточно отметить несколько важных соображений. В отличие от новых элит Центральной и Восточной Европы (в большинстве вышедших из интеллектуальной контрэлиты коммунистического периода), российская правящая элита не была быстро и безоговорочно признана внешними элитами. Тяжелейший трансформационный кризис осложнил внутреннюю легитимизацию политической элиты, которая испытывает значительные изменения уже на протяжении двух десятилетий. Ее пополнение идет из достаточно ограниченных источников или гипозелит — «второй столицы», «силовиков» и т. д., что довольно подробно описано в массовой литературе.

Процессы распада СССР, миграции, транзитивный экономический кризис привели к резкому изменению сфер деятельности населения. Соответственно, произошло существенное смещение важности ряда направлений и функций в обществе и в элитах. Политическая элита формировалась из контрэлиты провинциальной, небольшой части интеллектуалов и бизнесменов и массы директоров и бюрократов. Усилилась и роль региональных элит, которые пока играют важную самостоятельную роль, хотя по мере усиления централистских тенденций их оттесняют в позицию гипозелиты,

пресекая попытки превратиться в контрэлиту (даже в группе), даже внутри-системную⁷.

В бизнесе старую советскую элиту ВПК сначала потеснили банкиры и мастера приватизации. Однако в дальнейшем конфликт финансового сектора и политической элиты вызвал к жизни сложнейшие процессы с поиском политической элитой опоры в энергетике (вплоть до частичной национализации), а также в сохранившихся кадровых ресурсах оборонного комплекса. В политику пришли новые силы, но на протяжении 20 лет шла адаптация структуры общества, гражданского общества под новый спрос, в том числе со стороны новой правящей элиты, которая в последние годы все больше консолидируется, во всяком случае вокруг некоторых идей.

Стремление новой правящей элиты к созданию адекватной ситуации гипозэлиты и всей системы «лифтов и фильтров» заметно. Удержание своего контроля как одна из двух важнейших функций элиты явно прослеживается и широко обсуждается в стране и вне ее. Для нас важно, что идет тяжелая подстройка социальной структуры по видам занятости к реалиям низкого финансирования образования, культуры, науки. Потенциальная возможность консолидации правящей элиты при снизившейся роли интеллектуальной элиты (по существу, а не по лозунгам) начинает отличать новую формирующуюся ситуацию по факту жизни, возможно, против субъективных намерений политической элиты. Это связано именно с незаконченным укоренением новой правящей элиты, борьбой в ней за контроль над финансовой сферой. Ослабление интеллектуальной элиты ослабляет страну и понижает ее перспективы на постиндустриальное развитие.

Блестящая интеллектуальная элита важна для страны, ее существование льстит самолюбию правящей элиты. Но интеллектуальная элита обычно стремится к независимости, что очень неудобно. Правящая элита, по всей видимости, хотела бы опираться на развитый средний класс и «комфортную» гипозэлиту. Но транзитивный кризис 1990-х гг. сильно затруднил закрепление старой элиты в интеллектуальной сфере вплоть до 20-летней эмиграции потенциальной гипозэлиты. Закономерности существования и тем более трансформации этих элит не совпадают: в политике и финансах сначала устанавливается контроль («захват баронами»), а затем правящая элита мучительно пытается найти или создать систему институтов гражданского общества, которая играла бы свою роль, «как на Западе», но не представляла бы угрозы положению правящей элиты на неустойчивой и конфликтной фазе ее развития.

Обеспечение развития полноценной интеллектуальной элиты невозможно без создания масштабной гипозэлиты, всей «шахтовой» системы. Иначе рано или поздно отсутствие перспективы получения хороших рабочих мест, возможности пройти в состав высших слоев из среднего класса приведут не столько к социально-политической напряженности, сколько к эмиграции, перемещению в другие слои и сферы занятий. Без полноценной жизни гипозэлиты в своей стране по ясным правилам интеллектуальная элита постепенно сойдет на нет, растворяясь в мировой элите. Еще опаснее попытки имитации функциональной элитой нормативной роли на основе

⁷ Только в условиях кризиса советской системы контрэлиты вызвала «джинна» региональных контрэлит с грандиозными по силе и значимости последствиями для будущего страны.

клановых позиций или приобретенного в период трансформации богатства. В этом случае функциональная интеллектуальная элита страны со временем может стать «имитацией для домашнего потребления» без признания в мире (что не так важно), но и без инноваций для своей страны.

Отряды среднего класса (интеллигенция и бюрократия, средний бизнес и менеджеры, малый бизнес) корреспондируют с соответствующими элитами и являются источниками пополнения и воспроизводства элит. Политическая элита должна базировать свое превосходство на отражении интересов других элит и всех отрядов среднего класса (и бедных) — она функционально служит нации, хотя часто нация должна принять ценности элиты и ее нормативные установки (во многом еще не устоявшиеся). При сформировавшейся правящей элите (власти и капитала) в прикладном плане у нее есть свой резерв — бюрократия. Происхождение российской бюрократии от старого советского общества наложило отпечаток на ее представителей, несмотря на сдвиг поколений. Специфические условия трансформации страны во многом осложнили формирование бюрократии западного типа, так что можно отметить ее «восточные мотивы»: сервильность, лень, спорный уровень компетенции и коррупцию.

Обсуждать проблемы параллельного формирования элит и гипозэлит, контрэлит во власти и бизнесе придется еще долго, несмотря на то, что на эту тему достаточно много сказано (хотя часто под другими именами). Нам важно показать, что изолированного существования элит без воспроизводства и конкуренции внутри гипозэлит быть не может. Само собой очевидно, что без конкуренции внутри элит и с контрэлитами элиты могут потерять ориентировку в современном мире, сосредоточившись на своем выживании и контроле в ущерб стране и — тем самым — своему статусу в мире в долгосрочном плане. Актуальность темы интеллектуальной элиты в западной политической социологии в значительной степени мотивирована научной повесткой дня, например продолжающимся взаимопроникновением социальной истории и политологии.

Интеллектуальная элита в период трансформации оказалась под воздействием двух факторов — смены идеологии и типа государства и экономического кризиса. Важно учесть самостоятельную роль последнего, который вытолкнул часть нормативной элиты и следующих эшелонов своего потенциального пополнения вплоть до молодежи за рубеж. Эмигрирующих представителей элиты и среднего класса трудно обвинять в отсутствии патриотизма: кризис был слишком тяжелым и длинным! В течение более 10 лет талантливые люди были поставлены перед тяжелым выбором — благосостояние семьи и возможность поддерживать свой профессиональный уровень или патриотизм. В этих условиях для многих сограждан вопрос о конкуренции за вход в элиту своей страны как цели жизненной конкуренции на два десятилетия был заслонен вопросом о выживании семьи и даже о возможностях продолжения творческой деятельности. Результатом стала эмиграция гипозэлит, особенно в интеллектуальной сфере.

Трансформационный период в 20 лет в России при открытых для ин-формации и передвижения границах привел к эмиграции среднего класса, элементов гипозэлиты. Часть нашей элиты растворилась в западном среднем классе. Так что электорат российских демократических партий на самом деле нигде не голосует, а тихо живет в полудюжине развитых стран. Присвоение

двум нестарым российским физикам Нобелевской премии — большая честь, но они живут в Великобритании. Так что в воспроизводстве научной творческой элиты произошел сбой⁸. И мир получил значительный по численности «российский мировой средний» класс, не голосующий ни на каких выборах.

Для полноты картины отметим, что русскоязычные группы населения в бывшем СССР в основном оттерты от политической деятельности. Часть русских на Украине и в Казахстане остаются в рамках рабочего класса, но в целом по бывшему СССР русские (и ряд других меньшинств) стали средним классом. Этот тип класса на языке данной работы не допускается национальными правительствами (в страхе ирредентизма) до формирования своей контрэлиты, вытесняется постепенно (после резкого выталкивания в начале 1990-х гг.) из гипозелиты. Так что «потолок» русских (в массе — не индивидуально) в этом пространстве — это средний средний деловой и интеллектуальный уровень. В общем, у них нет больших шансов попасть в какую бы то ни было элиту — меритократия, скорее всего, там работать не будет. Российский пореформенный средний класс стал отчасти мировым явлением. Но с учетом интересов разделенных семей можно говорить и о значительной интеграции нашего общества в мировое сообщество, особенно в интеллектуальной сфере. Предыдущие эмиграции начала 1900-х гг., послереволюционные, послевоенные, 1970-х гг. — это потерянные таланты и потенциальные элементы элиты России. В перспективе — растворение в мировом сообществе. Для России возможное отношение к мировому российскому среднему классу — выровнять условия демократии и развития и дать им шансы стать элитой в России при этой жизни, а не повторять всю лестницу в шесть этажей уже в новых странах обитания.

Интеллектуальная элита, традиционная в западном социологическом языке, нуждается в привязке к реалиям, конкретизации и раскрытии. В реальной жизни большой и исторически интеллектуально богатой страны неизбежно выделяется функциональная интеллектуальная элита. Поскольку мы полагаем структуру фракций элит специфической для страны, то и в российском случае речь могла бы идти о трех подразделениях (реально существующих) в интеллектуальной элите: естественные науки, общественные науки (особенно экономика), литература и искусство. В принципе стоило бы анализировать их по отдельности, причем в *таблице* заложена идея дробления в случае необходимости. Однако серьезной проблемой при длительном кризисе становится исход из страны элиты, старой гипозелиты, талантливой молодежи и подрыв воспроизводственного процесса во многих областях знаний. В связи с этим возникает вопрос: а в состоянии ли новая интеллектуальная элита конкурировать на мировой арене?

Можно допустить вероятность принятия российским обществом представителей мировых интеллектуальных элит как гуру, наверное, в ряде областей это было бы совсем неплохо. В ходе кризиса и эмиграции части элиты возникла угроза полного исчезновения российской (нормативной)

⁸ По опыту автора в ряде социально-экономических наук сейчас приходится строить исследовательскую работу с опорой на молодых сотрудников 25–30 лет, т. е. закрывать разрыв примерно в 35 лет. Большая часть способных (для науки) людей возраста 30–45 лет ушла в бизнес или эмигрировала.

элиты как мирового явления — могли остаться одни воспоминания об ученых и поэтах. Но идет явно суживающееся воспроизводство, усугубленное экономической эмиграцией, несопоставимым уровнем жизни и отъездом молодежи.

В России в самых разных областях мы наблюдаем вполне предсказуемый симбиоз старой функциональной элиты (в общем, и нормативной по старым стандартам) с новыми группами. Старая функциональная элита упруго (без излишней поспешности) уступает новым агрессивным элементам свои позиции, предлагая компромисс: максимальное сохранение своих командных позиций в обмен на признание представителей новой политической элиты, абсорбция их в свои ряды как способ относительно легкого признания интеллектуальной элитой. Переход элементов политической элиты в ряды функциональной интеллектуальной не делает их нормативной, признанной и почитаемой элитой, но это понятно далеко не всем. «Новые буржуа» в истории обычно не могут отличить мишуру от гения в течение одного-двух поколений (пока их дети не начнут вступать в интеллектуальную конкуренцию). Широкое определение «интеллектуальной элиты», используемое рядом российских исследователей, может быть изложено так: к интеллектуальной элите относятся группы, задающие рациональную парадигму деятельности интеллектуальных сообществ. Эти социальные группы предлагают эффективные системы подходов к решению современных проблем науки и искусства, конкурентные в мировом масштабе (легитимизация элиты через границу). Эти группы определяют самосознание представителей естественно-научной, социально-экономической и политической культуры.

Борьба старой и новой интеллектуальных элит идет одновременно с трансформацией финансовой и политической элит, которые стремятся к получению полного контроля в стране с помощью взаимопризнания с интеллектуальной элитой. Понятное желание элиты стать признанной имеет практическое значение для каждой из них для закрепления в системе фракций элит. Взаимодействие важно и для обеспечения своей безопасности как функционально эффективной элиты при решении общих задач элиты (интересы страны и собственное выживание как элиты). Одновременно идет индивидуальная и групповая борьба за ресурсы и материальные выгоды, связанные с доминирующим положением групп на том или ином интеллектуальном рынке. Две тенденции конкурируют — естественный отбор талантов и активных элементов в гражданском обществе снизу и попытки элиты сформировать свою гипозэлиты (снизить свои риски), повлиять на формирование гражданского общества сверху. В этой связи возникает тенденция к ускоренной «имитации элиты» через СМИ, к подмене интеллектуальной элиты «функциональной» популярностью и таблоидами. Политической элите трудно устоять перед соблазном внедрения сверху новой гипозэлиты как функциональной интеллектуальной эрзац-элиты. Это позволило бы избежать внешнего раскола элит, конфликта с гражданским обществом (средним классом) по поводу качества новой элиты.

Для групп и индивидов трудность немедленного или постепенного признания нормативной элитой делает этап их включения в функциональную элиту как бы «исторической аспирантурой» (из начальства в гении). Вне функциональной стадии путь в нормативную элиту из недр среднего интел-

лектуального класса был и остается крайне трудным и медленным — «негарантированным». Разумеется, какая-то часть творческой элиты находит свой путь на Олимп, но часто поздно и с большими потерями; там ее встречают «номенклатурные олимпийцы». Правда, включение в функциональную элиту создает только иллюзию принадлежности к нормативной элите, хотя и не столь спорно, как это было при советской власти (за исключением, возможно, естественных наук). Самоидентификация той или иной группы (или индивида) как элемента «интеллектуальной элиты» требует проверки на реалистичность претензий. Другие фракции элиты могут принять эту претензию в контексте своей устойчивости, но эффективность группы постоянно подвергается проверке контрэлитами, средним классом, внешними вызовами. Остаться в составе нормативной элиты сложно, даже если это функционально закреплено.

В сложившемся обществе интеллектуальная элита сохраняет определенную дистанцию от политики для поддержания своей независимости. Финансовая элита и бюрократия сильно влияют через фондирование и спонсорство исследований и культурных проектов. В условиях социальной трансформации интеллектуальная элита оказывается важным, но временным источником кадров для новой политической элиты благодаря своему общественному положению и некоторой независимости от прежней политической элиты.

Средний класс является тем якорем, который обеспечивает социальную стабильность, что де-факто включает признание элит и их исключительной роли в формулировке целей и управлении страной и ее основными общественными институтами и активами. Современная демократия в мире и посттрансформационных странах вносит свои ограничения, но позиции новых элит она не подорвала. Традиционные элиты, ставшие давно признанными (нормативными) и успешными, заинтересованы в поддержании открытых «шлюзов» для обмена генофондом со средним классом: не слишком широких, но и не слишком узких. Вертикальная миграция в нормально функционирующем обществе важна не только вниз (от бедных в средний класс и выше по его уровням), но и выше — вплоть до возможности вхождения в элиту по активности и достоинствам. Закрытие таких «шлюзов», окостенение кланов и каст повышало бы угрозу социальных потрясений и блокировало бы индивидуальную мотивацию к инновациям и модернизации в целом.

В российской традиции сложилась привычка подчеркивать роль интеллигенции, но эмиграция и тяжелое финансовое положение в 1990–2000-х гг. ослабили ее роль и положение в обществе, которое казалось активным и обещающим в конце 1980–начале 1990-х гг. Можно было бы ожидать усиления роли бизнеса в ущерб интеллектуалам на ранних стадиях трансформации. Но в последние годы мы видим скорее усиление чиновничества, часто противостоящего бизнесу и служащего опорой политической элите. Принципиально важно, что в России в отличие от стран Центральной и Восточной Европы и ОЭСР в целом слабость российского среднего класса и гражданского общества усиливает роль элит и личностей в стабилизации положения в стране и выбора пути развития.

Российское общество только выходит из трансформационного кризиса. Мы пока вынуждены констатировать, что перестройки структуры элиты

и среднего класса идут с огромным трудом и большими потерями. В политической элите консолидация, видимо, еще не завершена. В финансовой элите идет сложная конкуренция, переформируются финансово-промышленные группы, резко усиливается государственный бизнес, как в энергетике, так и в финансовом секторе. Интеллектуальная элита вошла в очередной раунд обсуждения судьбы страны и правильного подхода к модернизации — консервативного или либерального, европейского или европейского. Формирование гипозэлит идет под жестким воздействием процессов на верхнем этаже — в элитах. Средние классы, гражданское общество взирают на эти процессы с определенным скептицизмом, унаследованным от советских времен, но существенно усиленным наблюдаемой коррупцией, ошибками в экономической политике и сомнениями относительно намерений элит (помимо сохранения собственных позиций). Российский случай формирования элит после трансформации одновременно остается самым интересным и недостаточно изученным, особенно попытки элиты сформировать общественную жизнь в своих интересах, включая гражданское общество, гипозэлиты и даже контрэлиты.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Рассмотрение проблемы элит в XXI в., на наш взгляд, требует более ясной проработки проблемы взаимоотношений элиты и общества. Амартья Сен еще 40 лет назад указал на несовместимость либерализма и реализации критерия по Парето, если имеется больше двух альтернатив [Amartya Sen, 1970]. Мы полагаем, что в конечном итоге теории традиционно работают с элитой и народом, но в политической практике, деловой и общественной жизни мы редко имеем дело со сколько-нибудь однородными элементами, осуществляющими свободный выбор. Скорее, мы видим сложную социальную структуру, которая снизу находится под давлением проблем реальной жизни, а сверху во многом зависит не только от собственно взглядов и интересов правящей элиты, но и от общественных механизмов, «лифтов и фильтров», обустроенных для элиты и одобренных и поддерживаемых элитой в авторитарных или (предпочтительнее) в демократических обществах. Даже вопрос об оптимуме по Парето может быть рассмотрен в контексте социальной иерархии: что есть оптимум для элит, что для средних слоев, а что для низших классов. Далеко не во всех вопросах индивидуумы делают свой выбор независимо от своего положения. Проблемы функционирования элит в современном мире, особенно формирования элит после трансформационного периода, представляют огромный теоретический и прикладной интерес, но их очень сложно исследовать — это не спокойный исторический материал, а предмет повседневной борьбы и конкуренции внутри страны и в мире. Но мы предлагаем систему подходов, которые могли бы помочь упорядочить и организовать усилия исследователей. Практически речь идет о необходимости понимать структуру, характер, цели элит не только России, но и ведущих мировых держав, особенно соседей Российской Федерации. В национальной политике собственные цели и приоритеты правящей элиты могут существенно переопределять рациональность тех или иных социально-экономических решений. В международных отношениях и при решении

глобальных проблем позиция национальных элит тоже имеет самостоятельное значение: нет чистой внеэлитной рациональности в мировой экономике и политике. Наш методологический вывод: в XXI в. необходимо исследовать не изолированные элиты и их взаимоотношения, а элиты с их сложной структурой и вместе со следующим социальными слоями, вплоть до гражданского общества (и средними классами). Это позволит лучше понять состояние и поведение мирового сообщества, российского общества и важных для нас стран, точнее — элит. В этом есть некоторая надежда на постепенное формирование элит, достойных нашей страны, ведь как у Джеймса Бонда: «Tomorrow never dies».

ЛИТЕРАТУРА

Аврамова Е., Григорьев Л., Малева Т. (руководитель). Средний класс в России: количественные и качественные оценки. — БЭА, ТЭИС, 2000.

Выдрин Д. О политике упорно // Большая Ялта News. 2010. С. 25.

Гаман-Голутвина О. В. Группы интересов: ретроспектива // Полития. 2000–2001. Т. 4. № 18. С. 38–49.

Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. — М.: РОСПЭН, 2006.

Григорьев Л. Внутренние противоречия формирования среднего класса в России // Дискуссия о среднем классе. — М.: ИНСОП, Научная книга, 2008. С. 27–32.

Григорьев Л. Интересы и проблемы во время мирового кризиса: ответственность элит, понимание среднего класса и терпение бедняков // Экономика переходных процессов. Т. 2. Гл. 3.11. С. 254–306.

Григорьев Л. Цели и интересы групп на старте кризиса: как сохранить позиции и дожить до модернизации // Экономика переходных процессов. — М.: МУМ, 2010. Т. 1. С. 281–333.

Григорьев Л., Курдин А. Интересы и подходы к реформированию подоходного налогообложения: Доклад на Конференции ГУ-ВШЭ. — Москва. Апрель 2010 [в печати].

Григорьев Л., Макаренко Б., Салмина А. и др. Российский средний класс после кризиса: экспресс анализ взглядов на политику и экономику. — М.: БЭА, 2010.

Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 45–61.

Григорьев Л., Плаксин С. Учет интересов групп в антикризисной политике // Экономика и право / Под ред. А. П. Заостровцева. Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». — СПб.: Наука, 2009.

Григорьев Л., Плаксин С., Салихов М. Послекризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. 2008. № 4.

Григорьев Л., Салмина А. Структура среднего класса в России: гипотезы и предварительный анализ // Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. — М.: ИНСОП, Экон-Информ, 2009. С. 5–100.

Григорьев Л., Салмина А. Структура среднего класса в России: предварительный анализ для будущих исследований // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 12.

Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001.

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001. Приложение.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. С. 69–70.

Миль Р. Правящая элита. — М., 1989. С. 25.

Парето В. Компендиум по общей социологии. — М.: ГУ—ВШЭ, 2008. Параграф 793. С. 309.

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.

Юргенс И. Модернизация возможна, если элита почувствует себя гражданами России // Коммерсант. 2010. 21 октября. № 196.

Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configuration and Clusters of Power // Elite Configurations at the Apex of Power. — Leiden — Boston: Brill, 2003.

Elites, crises, and the origins of regimes / M. Dogan, J. Higley (Eds.). — Rowman & Littlefield publishers inc., Lanham etc., 1998.

Feibleman J. Democracy and the Middle-Class rule of Reason // Ethics. — The Chicago Un. Press. 1938. Vol. 48. P. 536–542.

Gilbert D. The American Class Structure in the Age of Growing Inequality. — Pine Forge Press, LA, 2008.

Grigoriev L. Elites: The Choice for Modernization // Russia: the Challenges of Transformation / P. Dutkiewicz, D. Trenin (Eds.). — Lehman etc., 2011. Ch. 7.

Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. — 2006. P. 18–19, 25–26.

Lane Fr. C. Aristocratic Polity // Venice. A Maritime Republic. — Baltimore: the John Hopkins University Press, 1973. Chs. 8–9.

Sen A. The Impossibility of Paretian Liberal // The Journal of Political Economy. 1970. Vol. 78. № 1 (Jan.—Feb.). P. 152–157.